
Марина Ветрова ✦ Злата Хитрова
БЫВШИЙ МУЖ.
Ты украл мою дочь, но шейх заставил тебя за всё ответить!

Злата Хитрова
Марина Ветрова

Бывший муж. Ты украл мою дочь, но шейх заставил тебя за всё ответить!

https://litres.ru/74716457
SelfPub; 2026

Аннотация

Десять лет назад муж отнял у меня маленькую дочь. С помощью денег, связей и подложных документов он заставил всех поверить, что я плохая мать. Я искала Соню, но каждый след обрывался.

Однажды мне предложили работу медсестрой в роскошной клинике Дубая. В анкете пациентки я увидела знакомое лицо. Моя девочка жива. Она здесь, под защитой могущественного шейха Заида.

Только бывший муж запрещает мне приближаться к дочери, а сам шейх скрывает тайну нашего давнего знакомства.

Теперь мне предстоит вернуть материнское имя, разоблачить ложь и решить, можно ли доверить сердце властному мужчине, способному уничтожить моих врагов одним приказом.

И снова стать по-настоящему счастливой.

Содержание

Глава 1. Анкета с фотографией 4
Глава 2. Десять лет молчания 8
Глава 3. Та самая девочка 11
Глава 4. Он узнал меня 16
Глава 5. Комната с видом на сад 20
Глава 6. Мать без имени 24
Глава 7. Гости из прошлого 28
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Марина Ветрова, Злата Хитрова Бывший муж. Ты украл мою дочь, но шейх заставил тебя за всё ответить!

Глава 1. Анкета с фотографией

Конверт из плотной кремовой бумаги пах ванилью и чем-то дорогим, непривычным для нашего сестринского поста с его запахом хлорки и компота. Я разрезала его ножницами для катетеров — других под рукой не было, — и из конверта выпал прямоугольник тяжёлой, зернистой бумаги.

«Холдинг ар-Рашиди. Медицинский блок. Приглашение на собеседование».

Я так и сидела с ним в ординаторской, между двумя обходами, пока за стеной плакал чужой ребёнок и кто-то бежал по коридору в сланцах. Дубай. Детское отделение. Оплата в три раза выше моей московской, жильё, перелёт, контракт на два года. Я перечитала дважды. Трижды.

— Ефремова, четвёртая капельница, — заглянул в дверь

фельдшер Гена и тут же исчез.

Я встала, сунула конверт в карман халата и пошла делать капельницу. Руки, как всегда, не дрожали. За десять лет они научились всему: ставить уколы спящему ребёнку, нести подносы, подписывать бумаги. Дрожало что-то другое, внутри, под рёбрами, тихо и мерзко, как вода в трубах.

Вечером я скачала анкету с ноутбука. Положила на кухонный стол, заварила чай, который не собиралась пить, и начала заполнять. Паспортные данные. Стаж. Прививки. Затем — «фотография».

Я щёлкнула вложение.

На меня смотрела девочка. Лет одиннадцати, худенькая, с двумя косичками, в белой рубашке с воротничком. Серые глаза — большие, чуть навыкате, с той редкой светлой ресничной каймой, которую я сама видела каждый день первые полтора года своей материнской жизни. Взгляд — серьёзный, взрослый, осторожный.

У меня в руках задрожала кружка. Чай плеснул на анкету, на слово «подопечная», и я не вытерла.

Я знала это лицо. Я видела его последним, когда дочери было год и два месяца, и она, зарёванная, тянулась ко мне из чужих рук через стекло машины. «Мама. Мама. Мама». Я слышала это «мама» каждую ночь десять лет — во сне, в лифте, в автобусе, когда чужой ребёнок в поликлинике кричал это слово через весь коридор.

Я достала телефон и набрала Артёма. Пальцы сами пом-

нили номер, который я поклялась себе стереть тысячу раз.

Он ответил после пятого гудка. Шум за спиной — ресторан, смех, женский голос.

— Да.

— Артём. — Я сглотнула. Голос должен был звучать ровно. Он прозвучал ровно, и за это я себя возненавидела. — Скажи мне, где Соня.

Пауза. Достаточно долгая, чтобы я услышала, как он прикрыл дверь, как исчез ресторанный гул.

— В хорошей семье. За границей. Мы это проходили, Оксана.

— Я получила работу в Дубае. В медицинском блоке холдинга ар-Рашиди. В анкете — её фотография. Подопечная, — я произнесла это слово, как плевок, и впервые за десять лет руки у меня задрожали по-настоящему. — Она живёт там, Артём. Она живёт в двухстах метрах от моря, у шейха, а не «в хорошей семье». Что ты сделал?

— Слушай меня внимательно. — Голос у него стал другим. Таким я его не слышала даже в суде. Плоским. Холодным. — Ты поедешь туда и будешь ставить уколы, которые тебе заплатили. Ты не тронешь Соню. Не подойдёшь. Не назовёшься. Договор о закрытом воспитании не ты подписывала одна, и если ты хоть что-то сделаешь — суд пересмотрит опеку, а ты знаешь, что у меня лучшие юристы в стране. Ты неустойчивая, Оксана. Это написано чёрным по белому. Целых десять лет написано.

— Ей одиннадцать лет, — сказала я. — Она не знает, как я выгляжу.

— И слава богу. — И он положил трубку.

Я сидела на кухне, и чай остывал, и анкета размокала под кружкой, и девочка с косичками смотрела на меня с экрана — серьёзно, терпеливо, как смотрят дети, которые давно научились не ждать.

Тут я сделала единственное, на что хватило духу в ту ночь. Я открыла конверт ещё раз, достала приглашение и написала внизу, в графе «подтверждаю согласие», ровным, каким учили в медучилище, почерком: «Согласна. Выезжаю».

Потому что договоры написаны людьми. А люди иногда ошибаются.

Глава 2. Десять лет молчания

Самолёт отрывался от земли, и я вжималась в подголовник, вспоминая всё — потому что нельзя лететь в такое, не вспомнив, как это случилось.

Десять лет назад я сидела в другом самолёте — туда, на юг, в санаторий, куда меня отправили «восстанавливаться после родов». Послеродовая депрессия — эти слова прозвучали в суде трижды, каждый раз из уст разных людей, и каждый раз казались мне чужими, как название болезни из другого века. Я не помнила, чтобы я была больна. Я помнила, как носила Соню на одном боку и кастрюлю на другом, как муж приходил в два ночи и говорил: «Ты что-то не такая, Оксан». Как свекровь, Лидия Аркадьевна, входила без стука, трогала дочери лоб тыльной стороной ладони и говорила: «Ребёнок горячий. Ты её перегреваешь. Или недогреваешь. Надо понаблюдать».

Наблюдали. За мной наблюдали. Потом пришёл юрист — чужой, из фирмы Артёма, — с бумагами. «Договор об устройстве ребёнка в закрытую семью за рубежом». «В интересах ребёнка». «Визит отца согласован ежеквартально». Я читала и не понимала половины слов, а Лидия Аркадьевна сидела рядом, гладила свою сумочку и говорила вкрадчиво: «Подпиши, Оксаночка. Ты же понимаешь, что тебе с ребёнком не дадут даже свиданий. Суд тебе уже ничего не оставит.

А так — она будет в хорошей семье. Ты сможешь писать ей на адрес фирмы, когда ей исполнится восемнадцать».

Я подписала. В этом весь ужас, от которого я просыпалась по ночам все десять лет: я сама её подписала. Потому что мне сказали, что иначе я не увижу её никогда, а я верила, что «никогда» бывает только в сказках.

Артём приносил мне потом фотографии — раз в год, в мой день рождения. Размытые, издалека: спина девочки на пляже, затылок в шапке, руки с песком. «Она хорошо устроена, Оксан. Приличная семья. Видеться нельзя — по договору. Не расстраивай меня, и я попробую договориться в следующем году».

В следующем году он женился на Марине — на той самой, с ресторанным смехом в телефонной трубке. Фотографии прекратились. «Марину расстраивают эти твои звонки». Потом умерла мама, и я осталась совсем одна — с работой, с ночной сменой, с карточкой, на которую я годами переводила деньги «на нужды дочери», потому что Артём говорил: «Она в частной школе, ты же не хочешь, чтобы она хуже других».

Я перевела — считай — целое состояние. В никуда.

Стюардесса спросила, что мне налить. Я попросила воды. За иллюминатором облака лежали так низко, что казалось — можно выйти и идти по ним.

В них не было страха. Вот что я поняла за эти десять лет: страх кончается. Осторожность, недоверие, привычка про-

сыпаться в четыре утра — это остаётся, а страх умирает. Вместо него во мне жила теперь другая вещь, тяжёлая и спокойная, как камень на дне реки.

Ей одиннадцать. Она не знает, что у неё есть мама. У неё больные почки, сказала анкета — нет, не почки, железы, какая-то редкая эндокринная история, из-за которой девочка с года не росла как надо. С года. С того самого года, когда её увезли.

Я достала из сумки сложенную распечатку фотографии и смотрела на неё весь оставшийся перелёт. Косички. Воротничок. Серьёзные глаза.

Я не знала тогда, что в аэропорту Дубая меня уже ждут. Что человек у выхода с табличкой «Ефремова» будет молчать всю дорогу и разговаривать с кем-то по телефону на языке, от которого у меня мурашки шли по рукам. Что девочка с фотографии ещё не знает, что её жизнь через месяц перевернётся — так же, как моя.

А я знала только одно, и это я сказала себе, когда колёса коснулись раскалённой полосы и нас качнуло вперёд:

Ты найдёшь способ сказать ей «я тебя помню». Остальное — не важно.

Глава 3. Та самая девочка

Медблок холдинга пах не хлоркой — лавандой и свежим хлебом. Нет, хлебом пахло, наверное, из кухни внизу, но лаванда была настоящая: в вазах у ресепшена, в холле, где пол был такой светлый, что мне всё время казалось — я оставляю на нём следы.

Бумаги мне вернули в первый же час. Контракт — на английском и на арабском, мне дали перевод, и я читала его в маленьком кабинете, где за стеной плакал и плакал ребёнок — так же, как за стеной нашей ординаторской в Москве, и от этого странного сходства у меня сжалось горло.

Пункт одиннадцать, раздел «подопечные». Я прочла его трижды, чтобы не осталось сомнений.

«Сотрудник не вправе вступать в личный контакт с подопечными холдинга за пределами назначения. Сотрудник не вправе собирать сведения о происхождении, семье и финансовом положении подопечных. Нарушение влечёт расторжение контракта и аннулирование визы».

Аннулирование визы. Депортация. А дальше — суд в Москве, где будут те же юристы, те же слова «неустойчивая», тот же исход.

— Понятно? — спросила меня глава медблока, доктор Штейн — сухая, быстрая, в очках на цепочке. Она смотрела поверх очков, и взгляд у неё был как термометр: точный и

безжалостный. — Особенно пункт одиннадцать. У нас тут иногда приезжают люди с интересными историями. Мы такие истории не любим.

— Понятно, — сказала я.

— Хорошо. Соня в игровой на четвёртом. Сестра Амира заболела, вы её замещаете. Инсулин по схеме, контроль глюкозы трижды, никаких сладостей на глазах у других детей — они ревнуют. Вопросы?

— Нет.

Четвёртый этаж. Игровая. Я несла лоток с глюкометром и не чувствовала рук.

Она сидела на полу у окна, поджав под себя ногу, и собирала из магнитиков мозаику — кругами, очень старательно. Косички. Воротничок. Серые глаза поднялись на звук моих шагов, и мир на секунду выключил звук.

— Здравствуйте, — сказала она. Взрослым, отработанным голосом ребёнка, который много общается со взрослыми врачами. — Вы новая сестра? А где Амира?

— Амира заболела, — я поставила лоток. Руки работали сами: антисептик, перчатки, полоска в глюкометр. — Я Оксана. Я буду ставить вам уколы, пока она поправляется.

— Уколы я не боюсь, — сказала она деловито и подставила палец. — Только вот сюда не колите, здесь я рисую. Сюда, пожалуйста.

Она выбрала безымянный палец левой руки. Я проколола. Капля крови. Полоска. Цифры на экране — я не сразу

осознала, что вижу: так далеко я была от этого момента, от этой комнаты, от её тёплого пальца в моей руке.

Ей было год и два месяца, когда она в последний раз тянулась ко мне. С тех пор она научилась выбирать палец для укола.

— Семь и четыре, — сказала она, сверившись с экраном, и нахмурилась так сосредоточенно, будто сама отвечала за все цифры в своей карте. Потом посмотрела на хлеб на соседнем столике и вздохнула: — Опять надо меньше. Амира вчера разрешила мне половинку.

Я сняла перчатку и потянулась к карте, чтобы записать результат. Ручка заскользила по бумаге, и только тогда я заметила, что слишком крепко её сжимаю.

— Половинку, — повторила я. — Давай сначала посмотрим, что скажет врач по дневнику. Потом обсудим, сколько хлеба тебе можно.

— Ты всегда так говоришь, когда собираешься сказать «нет»? — Она подвинула к себе мозаику, освобождая место для лотка. Магнитики столкнулись и рассыпались; Соня поймала один на лету и бережно вернула в круг. — Амира говорит: «обсудим», а потом половина исчезает.

Я хотела ответить привычным взрослым тоном, но она посмотрела на меня — и в улыбке, в наклоне бровей, в том, как она сдвинула магнитики, чтобы они не мешали записи, вдруг проступил Артём. Тот самый наклон. Та самая бровь. Мир опять качнулся.

— Я сказала «с тобой», — вырвалось у меня.

Соня замерла, и магнитик, который она собиралась поставить в круг, так и остался у неё между пальцами.

— Со мной?

Я поправила салфетку на лотке, хотя та лежала ровно. Нужно было вернуть себе голос, прежде чем он выдаст то, что я прятала.

— Простите. Я хотела сказать: с вами.

— Можно на «ты», — разрешила она после короткой паузы. — Если ты не будешь отбирать у меня хлеб без обсуждения.

Она придвинула тарелку к себе, словно закрепляла условия договора, и улыбнулась. Я ответила ей улыбкой, но не стала пользоваться её разрешением сразу: между нами всё ещё лежали карта, глюкометр и моя обязанность быть для неё просто медсестрой.

— Тогда давай на «ты», — сказала я. — Но хлеб обсудим после дневника.

— Вот это уже похоже на честную сделку.

Она снова собрала магнитики в круг, а я записала показание в карту. Хотелось спросить, помнит ли она, как я учила её держать ложку. Вместо этого я проверила время следующего измерения и только потом убрала глюкометр.

Она засмеялась — коротко, недоверчиво, — и снова собрала магнитики в круг.

— Можно, — разрешила она. — Тогда на «ты». Только

вы, — она запнулась, повела плечом, — только вы странные, Оксана. Вы смотрите на меня так, будто мы знакомы.

В моей груди что-то треснуло — тихо, беззвучно, как ледышка в стакане.

— Простите, — сказала я. — Мы знакомы?

Она посмотрела на меня долго — так долго, что я успела прожить за это время целую жизнь: и то, как я её пеленала, и то, как она впервые засмеялась, и то, как чужие руки уносили её через стекло.

— Нет, — сказала она наконец, и мне стало легко и страшно одновременно. — Но вы похожи на одну даму с фотографии. У меня в комнате. Только у той дамы были другие волосы.

И она вернулась к мозаике, а я стояла с глюкометром в руках и понимала, что десять лет назад мне наврали дважды. Один раз — что я её больше не увижу. Второй — что она обо мне не помнит.

Где-то за окном, над раскалённым заливом, кричали чайки, и я стояла и не могла пошевелиться, потому что в коридоре, судя по шагам, шёл кто-то тяжёлый и важный, и этот кто-то останавливался у каждой двери.

Он остановился и у нашей.

Глава 4. Он узнал меня

Он вошёл не как начальник — как погода. Просто стало тихо, все выпрямились, и я поняла, что это и есть та самая тихая власть, о которой шептались сестры: шейх Заид обходы делает сам, раз в неделю, и лучше в этот день ничего не трогать.

Он был высок, в белом, без всяких знаков отличия, кроме часов, и лицо у него было то, которое описывают в книгах «какое-то незабываемое» и невозможно объяснить почему. Рядом шёл помощник с планшетом и что-то говорил, а он слушал, глядя на детей.

— Доброе утро, — сказал он по-русски, и дети, все, кто понимал, засмеялись. Он пошёл по игровой, говорил с каждым ребёнком, наклонялся, слушал ответы, и я, стоя у окна с лотком, увидела, как Соня, моя Соня, рассказывала ему про мозаику и показывала палец, «сюда не колоть».

А потом он выпрямился и посмотрел на меня.

И всё во мне оборвалось.

— Оксана? — сказал он.

Не «сестра Ефремова». Не «новенькая». Он сказал «Оксана» — так, как говорят имя, которое произносили раньше, много лет назад, в другом городе и в другой жизни.

— Да, — сказала я. — А вы...

— Мы знакомы, — сказал он помощнику что-то короткое

на своём языке, и тот с планшетом исчез с той скоростью, с которой исчезают люди, понимающие, что происходящее их не касается. — Москва. Университетская клиника. Зима две тысячи четырнадцатого года. Ты дежурила в приёмном.

И я вспомнила. Господи, я вспомнила — хлопьями, целыми кусками: молодой арабский студент с обмороженной, как он говорил, «душой и носом», которого привезли в приёмное с жесточайшим бронхитом, у которого не было ни одного знакомого в городе, и который лежал в нашей палате десять дней и всех подрядил учить его русским словам. Он был смешной. Он был не такой, как сейчас: он шутил, он звал меня «сестра Оксана, вы самый жестокий человек на земле» и приносил мне из буфета пирожки, которые я не имела права есть на посту. Он уехал, я вышла замуж, у меня родилась дочь, и всё, что было до, слиплось в один комок с тем, что было после.

— Заид, — сказала я. — Вы были толстый.

— Я был в зимней куртке, — поправил он с достоинством. — Это разные вещи.

И мы оба засмеялись — впервые за десять лет я засмеялась по-настоящему, и тут же спохватилась, но он уже смотрел на меня не смеясь, внимательно, и в этом взгляде было что-то такое, от чего мне захотелось отступить на шаг.

— Тебя перевели к Соне, — сказал он. Не спросил. — Личным медицинским персоналом. Расписание у доктора Штейн. Распоряжение уже подписано.

— Подождите, — я оглянулась на Соню, которая с интересом слушала, делая вид, что собирает мозаику. — Вы не можете так просто... у меня контракт, у неё есть лечащий врач...

— У неё был лечащий врач, — сказал Заид ровно.

И тут я вспомнила то, о чём шептались сестры. Врач Эль-Фарси. Тот, кто полгода «не замечал» в анализах Сони цифры, которые нельзя не замечать, потому что было дешевле не назначать обследование. Шептались об этом полушёпотом — и шептались, что «Эль-Фарси родственник кого-то из закупок, и сам шейх его не тронет, неудобно».

В этот самый момент, как я узнала через час, помощник Заида входил в кабинет Эль-Фарси. Через час Эль-Фарси писал заявление. К вечеру его лицензия в этом холдинге стала историей, договорённости с закупками — тоже, а в его доме, как потом злословили на кухне, выключили тот самый особый статус, который давал его семье бесплатное лечение в лучших клиниках эмирата. Одной подписью. Одним росчерком — человек, которого все годами обходили стороной, перестал существовать.

— Идите с нами, — сказал Заид Соне, и она поднялась, прихватив два магнитика — почему-то именно два, — и пошла рядом, заглядывая на него снизу вверх.

— А вы правда знаете мою новую сестру? — спросила она.

— Правда, — сказал Заид. — Она когда-то выходила меня, когда я был совсем глупый студент.

— А теперь?

— Теперь, — сказал он, и посмотрел на меня через её макушку, и что-то в этом взгляде было не то чтобы холодное — опасное, как глубина под тёплой водой, — теперь, я думаю, мы в расчёте.

В ту ночь я лежала без сна в новой комнате — большей, чем вся моя московская квартира, с окном на сад, где пахло мокрой землёй среди пустыни, — и думала о росчерке пера, уничтожившем Эль-Фарси. О том, как быстро он это сделал. Как не спросил никого. Как посмотрел на меня — и мир вокруг меня разом перестроился.

Его благосклонность, думала я, обходится другим слишком дорого. И молилась, чтобы однажды не пришлось платить мне.

Глава 5. Комната с видом на сад

Хафза появилась на третьи сутки — как гроза в степи: сначала духи, потом голос, потом она сама. Маленькая, седая, в накрахмаленном переднике, с ключами на кольце у пояса, она вошла в мою комнату без стука, осмотрела мои вещи — их было три сумки, — поморщилась и сказала:

— Это всё?

— Всё, — сказала я.

— Хорошо, — сказала она с таким отвращением, будто я призналась в чём-то неприличном, и хлопнула в ладоши. Через десять минут в комнату втекли две девочки-прислужницы с распорядком дня и стали развешивать в шкафу одежду, которая появилась из ниоткуда: костюмы, платья, обувь, платки — всё моего размера, всё моё по биркам.

— Мне это не положено, — сказала я. — Я медсестра. У меня зарплата.

— Это не зарплата, это дом, — отрезала Хафза. — Здесь есть правило: кто живёт в восточном крыле, тот одевается как человек. Или ты хочешь, чтобы гости думали, что мы не платим персоналу? Позор на весь дом. Раздевайся, меряй.

Восточное крыло. Я жила в восточном крыле дворца — я, дочь машиниста из Караганды, дочь, у которой отняли ребёнка и отдали чужим рукам. Комната с видом на сад — фонтан, гранатовые деревья, песок дальше, до самого горизонта

— была, как мне объяснили, «санитарной нормой для персонала личной охраны подопечных». Никто мне не поверил. Я себе — тоже.

На пятый день Хафза постучала — впервые постучала — и сказала:

— Господин приглашает на ужин. Терраса. В девять. Платье — второе справа. Не голубое, голубое носят другие.

— Другие — это кто?

— Невесты, — сказала Хафза и вышла, оставив меня с этим словом наедине.

Терраса была на третьем этаже, над садом, и вечер пах цветами и углём. Заид ждал один, без охраны, без помощников, в простой белой рубашке, и от этого отсутствие свиты было красноречивее любой свиты. На низком столике — турка, две чашки, кувшин, плитка шоколада.

— Садись, — сказал он. — Кофе по-арабски. Пить будешь через силу, но выпей до конца — таково правило.

Кофе был густой, горячий, с кардамоном, горький и вдруг сладкий на последнем глотке. За окном бормотал фонтан. Где-то внизу, в медицинском блоке, спала моя дочь — и не знала, что в двухстах метрах от неё её мать пьёт кофе с человеком, который может всё.

— Расскажи про Москву, — сказал Заид.

Я рассказала про приёмное отделение, про детей, про то, как мы вешали рисунки на стены, чтобы меньше боялись. Он слушал так, как мало кто умеет слушать — не перебивая,

задавая вопросы не «что», а «как», и от этих «как» у меня внутри что-то отпускало. Десять лет я никому не рассказывала про себя больше трёх предложений.

— Про себя расскажи, — сказала я. — Ты стал... другим. Раньше ты смеялся. Сейчас от тебя все встанут, когда ты входишь.

Он повёл чашкой, посмотрел на огонь в жаровне.

— Дом, в который я вернулся, — сказал он, — это не дом. Это машина. В машине у каждого — функция. Я думал, что вернусь тем же. Ошибся. Машина перемалывает быстрее, чем человек успевает заметить. — Он поднял на меня глаза. — Но знаешь, что странно? Я стою в своём медблоке и вижу женщину с лотком. И впервые за много лет я хочу не функцию. Я хочу, чтобы она села за стол и выпила кофе.

— Я выпила, — сказала я тихо.

— Выпила, — согласился он. И потом, после долгой паузы, когда уголь в жаровне просел и заиграл багровым: — Что они сделали с тобой, Оксана?

Не «что случилось». Не «почему ты одна». Он сказал «что они сделали» — и от этой формулировки, от того, что он с ходу, без единого вопроса, взял и выбрал правильное слово «они», у меня защипало в глазах.

— Не сегодня, — прошептала я.

— Хорошо, — сказал он легко и подвинул мне шоколад. — Завтра тоже не обязательно. Но однажды — расскажи.

Я ела шоколад и смотрела, как в саду зажигаются невиди-

мые днём лампы, и думала, что если бы он знал, если бы хоть на каплю знал, кто такая Соня и что «они» успели сделать за десять лет, — он бы не был так спокоен.

А он, глядя на меня, потянулся к турке налить ещё — и был спокоен, как человек, который всё уже знает.

Тогда я не поняла. Тогда я решила, что мне мерещится.

Глава 6. Мать без имени

Жизнь рядом с дочерью — если она не знает, что ты мать, — это жизнь глухонемой, получившей слух.

Я просыпалась в шесть, к семи была в её крыле, мерила ей сахар натощак, слушала, как она ворчит на иглу, завтракала с ней в столовой — за отдельным столиком, где стояла табличка «диета», — читала ей на ночь сказки, потому что у Сони был ритуал: две сказки, стакан воды, свет выключить, но дверь оставить приоткрытой. «Чтобы слышно было, что живые рядом», — объяснила она мне как-то серьёзно, и я вышла из её комнаты и стояла в коридоре, прижав ладонь ко рту, целую минуту.

Она красивая. Она смешная. Она запоминает номера историй болезни — все подряд, у неё память как у кассира в супермаркете. Она играет в шахматы с охранником Гассаном и обыгрывает, но отпускает его «на пешке», потому что «он на посту грустит, если проигрывает». Она собирает магнитики со всего мира: их у неё уже сорок два, и она помнит каждый — кто подарил и когда.

— А этот? — спросила я, показав на самый простой, поблекший, без надписи. Первый попавшийся, честно сказать.

— Этот не знаю, — сказала она нехотя. — Он всегда был. Может, с родителями остался... — И замолчала, и уткнулась в мозаику, и я поняла: слово «родители» у неё как гвоздь в

стене. Есть, но не трогать.

Я держалась. Клянусь, я держалась — как учат: не привязывайся к тяжелобольному ребёнку, дистанция, профессионализм. Я ставила уколы ровной рукой, смеялась ровным смехом, уходила вовремя.

А потом наставница, доктор Штейн, вызвала меня в кабинет и закрыла за мной дверь.

— Садись, сестра Ефремова.

Я села.

— Ты делаешь работу лучше, чем требуется, — сказала она. — Хорошо. Но есть проблема. Ты её слишком любишь.

Я не поняла сразу. Любовь к ребёнку — проблема?

— Не понимаю, — сказала я.

— Это видно, — сказала Штейн безжалостно. — Ты задерживаешься на смене. Ты принесла ей книжку. Ты слушаешь её в пять раз дольше, чем положено по протоколу. Это не страшно в обычной палате. Но это подопечная дома. Здесь у детей не бывает лишней любви, сестра Ефремова. Здесь она дорогая. И у неё всегда спрашивают, откуда она взялась. Тебе ясно?

— Ясно, — сказала я.

— И ещё, — она сняла очки, протёрла их, и я впервые увидела в ней не надзирателя, а усталого врача. — Если у тебя есть причина любить её больше, чем положено, — унеси её отсюда. Подумай. Хорошенько подумай, прежде чем делать следующий шаг.

Я вышла в коридор, и по стеклянной стене ползла тень пальмы, и было очень тихо.

Я принесла ей книжку. «Али-Бабу». Вечером Соня уже лежала под одеялом, но уговаривала не закрывать дверь до конца: полоска света из коридора оставляла на полу узкий золотой прямоугольник. Я села рядом и стала читать про разбойников, нарочно меняя голос на шёпот, когда они крались к пещере.

— Они что, правда думали, что никто не услышит? — спросила Соня, приоткрыв один глаз.

— Наверное, очень надеялись, — ответила я и перевернула страницу.

Она хмыкнула, подтянула одеяло к подбородку и снова закрыла глаза. К середине главы дыхание у неё выровнялось. Её тёплая рука лежала в моей, лёгкая, с тонкими косточками под кожей. Я не убирала ладонь, пока страница не перестала удерживаться сама и не сползла на одеяло.

Она заснула, не отпустив меня, а я сидела в полумраке у ночника и не могла встать. Это было счастье. Настоящее, незаконное, краденое, счастье.

— Оксана, — сказала она сквозь сон, не открывая глаз. — Ты пахнешь как мама.

Я перестала дышать. Свободной рукой поправила одеяло у её плеча, потом убрала выбившуюся прядь со лба. Соня не проснулась, только чуть повернулась к теплу моей ладони. Я осталась рядом ещё на несколько минут, пока не перестало

тянуться сказать ей всё сразу.

В коридоре скрипнула половица. Я подняла голову: у стены стоял Хассан-охранник. Он не спросил, почему я задержалась, и я не спросила, сколько он слышал. Только кивнула ему и вышла. По дороге домой я поняла, что рано или поздно об этом узнают все.

Уже на следующее утро в игровой меня ждала новость, от которой весь мой краденый мир треснул по шву: Хафза, найдя меня у окна, сказала сухо, глядя мимо:

— Сегодня к обеду прилетают гости. Кузнецовы. Из Москвы.

Глава 7. Гости из прошлого

Я увидела его раньше, чем он меня, — из окна коридора, когда их машина подкатила к входу. Артём. Тёмный костюм, загар, спокойное, сытное лицо человека, который всё решил и ни о чём не жалеет. Рядом — Марина: высокая, в белом, в огромных очках, с телефоном в руке, и она не сошла с трапа, пока ассистент не подставил ей руку.

Десять лет. Я успела забыть, какой у него голос — низкий, вкрадчивый, с этими его «знаешь» на каждом втором слове. Я успела забыть, как от этого голоса у меня вечно, всегда, даже во сне, сводило что-то под сердцем.

Их приняли по высшему разряду — до третьего этажа они доехали на лифте, и в коридоре второго, где я как раз меняла капельницу чужому мальчику, разлились запах духов Марины и её голос:

— Господи, что за люди здесь работают. Оксана? — Она произнесла моё имя, как находят под диваном старый носок. — Нет, вы только посмотрите. Они и тут берут без разбора. Артём, — позвала она через плечо, — у нас тут твоя бывшая. Медсестрой.

Он вошёл. Посмотрел. Улыбнулся — спокойно, почти тепло, потому что при других он всегда улыбался тепло.

— Оксан, — сказал он. — Какими судьбами. Работаешь? Хорошо. Соня где? — И, не дожидаясь ответа, повернулся

к Марине: — Доченька у них в отличных руках, ты не представляешь, какой уход, я ей годами...

— Я видела фото в интернете, — сказала Марина, пролистывая телефон. — Худая какая-то. Это у них питание такое или болезнь?

Я вытащила вату из капельницы. Мальчик под капельницей посмотрел на меня с испугом. Я положила вату обратно.

— Артём, — сказала я ровно. — Мне нужно с тобой поговорить.

— Только не здесь, — он поглядел на капельницу, на мальчика, и что-то в его лице дёрнулось. — Пойдём.

Мы вышли на маленький балкон-курительную — пустую, с жаром за стеклом. Он закрыл дверь.

— Ты быстро, — сказал он без приветствия. — Я думал, у тебя уйдёт месяц.

Он не предложил стул. Я тоже не стала садиться: за стеклом балкона раскалённый воздух дрожал над белой стеной, а внутри пахло старым дымом и его одеколоном.

— Что тебе нужно было в этой анкете? — спросила я. — Ты же знал, что я увижу её лицо.

Артём поправил манжет. Сначала один, потом другой — точно так же он делал перед судом, когда хотел выиграть время и заставить собеседника ждать.

— Я знал, что ты откажешься, — сказал он просто. — Дубай. За гранью твоей смелости. Москва — это твой потолок, Оксан. Ты всю жизнь летала низко.

Я посмотрела на дверь. За ней оставался медблок, капельница и мальчик, которому я обещала вернуться. Нельзя было задерживаться. Нельзя было и уходить, не услышав ответа.

— Она живёт в ста метрах от меня.

— Она живёт там, где я решил. — Он провёл ладонью по перилам, задержал взгляд на ногтях. — И если ты думаешь, что раз она рядом, то можно что-то поменять, я тебя разочарую. Договор. Опека. Твоя история с диагнозом. Всё это никуда не делось и работает на меня, как десять лет назад.

Я шагнула к двери. Он не двинулся, но назвал меня по имени — и я остановилась.

— Ты тронешь Соню — и я уничтожу тебя, — продолжил он. — Тебя и этого твоего шейха. Думаешь, он железный? За эти годы я понял: все железные продаются. Просто у каждого своя цена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.